

КИТАЙСКИЙ СТАРШИНА ЛИГУЙ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Е.И. НЕСТЕРОВА

г. Железнодорожный Московской обл.

В последние годы тема китайского присутствия на русском Дальнем Востоке переживает настоящий подъем. От довольно общих первых работ авторы переходят к более детальному исследованию и анализу истории китайской общины в России. В научный оборот вводятся ранее неизвестные факты русско-китайского взаимодействия. В связи с этим представляется актуальным вопрос об адекватной интерпретации вновь вводимого исторического материала. Зачастую исследователям достаточно единственного документа, содержащего информацию о том или ином событии, причем не подтвержденного перекрестными ссылками, чтобы обобщать материал и делать выводы. Отсутствие процедуры критики источника приводит к вариативности описаний даже там, где этого можно было бы избежать.

В качестве примера рассмотрим, как три авторитетных исследователя описывают события в Сучанской долине в начале 80-х гг. XIX в., а также роль, которую играл в них китайский старшина Лигуй.

Вот что пишет Т.Н. Сорокина: «Китайское правительство назначило начальником всех манз от Шкотовой до Ольги своего старшину Лингуя, который имея под своим командованием вооруженный отряд, облагал китайцев данью и выступал в роли судьи. Окружной начальник отправил специальный отряд, чтобы рассеять вооруженных людей Лингуя, его самого арестовать, а китайцам объяснить, что они должны повиноваться только русским властям»¹. А вот версия А.В. Алепко: «Летом 1882 г. по распоряжению маньчжурских властей в Южно-Уссурийский край был неофициально командирован военный чиновник Ли Гуй для управления манзовскими поселениями в долине р. Сучана, а также вдоль побережья Японского моря от залива Петра Великого до залива Св. Ольги. По прибытию на российскую территорию Ли Гуй создал вооруженный отряд из манзов, построил в тайге на р. Сучан небольшую глинобитную крепость, установил китайские порядки в манзовских поселениях, руководствуясь указаниями Гиринаского фудутуна и других китайских властей Северной Маньчжурии. Военный губернатор Приморской области генерал-майор И.Г. Баранов был вынужден направить в этот район отряд в составе пешей роты, четырех взводов конных казаков и дивизиона горной артиллерии под командованием полковника Винникова. Появление русского отряда в бассейне р. Сучана вызвало панику среди китайцев, Ли Гуй со своим отрядом скрылся в тайге. Значительная часть манзовского населения разбежалась. Китайская крепость была разрушена, оружие и боеприпасы были взяты в качестве трофеев, а запасы продовольствия уничтожены»².

В завершение — описание этих событий у В.Г. Дацышена: «С начала 80-х годов активизировалось китайское население в Приморской области, попытавшееся противостоят русской колонизации Южно-Уссурийского края. В 1881 году «беспорядки» среди китайского населения достигли такой степени, что вышло генерал-губернаторское распоряжение с угрозой выслать за границу всех китайцев и сжечь их

фанзы в случае, если сопротивление будет продолжаться. В места волнений был отправлен отряд под командованием П. Кропоткина. В 1882 году в район Сучана был отправлен отряд подполковника Винникова для ликвидации антирусских выступлений китайцев... Китайские чиновники активизировали свою работу и в других районах Южно-Уссурийского края. Офицеры с мест докладывали: «...старшина Линь-гуй произведен китайским правительством... белый хрустящий шарик с произведением в начальники над всеми китайцами от Шкотово до Ольги»³.

Что же произошло в начале 80-х гг. в долине р. Сучана? Связаны ли как-то между собой действия отрядов подполковника Винникова, начальника Сучанского участка князя Кропоткина и деятельность Ли Гуя? Кем все-таки был китаец Ли Гуй — китайским военным чиновником, присланным из Маньчжурии, или довольно долго прожившим в крае человеком, ставшим китайским старшиной, а позже чиновником?

Попытаемся собрать воедино всю имеющуюся о Лигуе информацию, но сначала несколько слов о месте, где разворачивались основные события — долине р. Сучана и особенностях социальной организации китайцев, проживавших там.

К началу 70-х гг. XIX в. русской администрации было известно несколько районов концентрации китайского земледельческого населения в Южно-Уссурийском крае. Наиболее крупными из них являлись долины рек Цимухе и Сучана. По мнению Н.М. Пржевальского, посетившего край в 1867—1869 гг., «...из всех прибрежных долин Зауссурийского края самая замечательная по своему плодородию и красоте есть, бесспорно, долина р. Сучана... Давнишние обитатели Сучанской долины — китайцы — говорят, что это самый лучший и плодородный край из всего нашего побережья Японского моря»⁴. По данным комиссии И.Г. Сколкова (1869 г.), в проектируемом Сучанском округе китайцев и тазов постоянно проживало 457 чел.⁵ Е.С. Бурачек и Н.М. Пржевальский оценивали численность китайцев, проживавших в 75 фанзах, в 500 чел.⁶ Побывавший в Сучанской долине несколько ранее Н.М. Пржевальского А.Ф. Будищев нанес на свою карту 67 лично увиденных им фанз, что, как он считал, составляло половину всех фанз. Учитывая это, А.Ф. Будищев допускал численность китайцев в этом районе в 1000 чел.⁷ Эту же цифру называл и штабс-капитан П.А. Гельмерсен, посетивший Сучан летом 1865 г.⁸ Таким образом, численность китайского населения Сучанской долины во второй половине 1860-х гг., может быть оценена приблизительно от 500 до 1000 чел. С течением времени количество оседлых китайцев на Сучане выросло. Командир роты 1 восточно-сибирского линейного батальона штабс-капитан Г. Порохин, побывавший в этом районе весной 1882 г., оценил численность китайцев в 2 тыс. чел.

Оседлые китайцы занимались земледелием. Н.М. Пржевальский констатировал: «Поля, находящиеся при их жилищах, или фанзах, могут служить образцом трудолюбия, так что урожай хлеба, в особенности проса, составляющего главную пищу, бывает чрезвычайно велик и обеспечивает годичное существование хозяина фанзы и его работников»⁹. Кроме проса китайцы выращивали сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень, пшеницу и другие культуры. Г. Порохин делил сучанских китайцев на три разряда — земледельцев, охотников и приискателей. С наступлением зимы появлялось значительное число сезонных рабочих, занятых летом таежными промыслами, добычей морской капусты, трепангов, золота. Возможно, скопление именно этого разношерстного люда закрепило за Сучаном недобрую репутацию. А.Ф. Будищев отмечал, что китайцы неоднократно его предупреждали, что «на реке Сучан живут преступники, люди без страха и совести»¹⁰.

У живших на Сучане китайцев существовало самоуправление, возникшее в процессе стихийной самоорганизации, в принципе традиционное для китайцев в Маньчжурии. В каждом поселении находился старшина, разбиравший мелкие жалобы своих подчиненных. Стоящая отдельно фанза всегда приписывалась к какому-нибудь месту. Старшин выбирали сами китайцы на определенный срок, по истечении которого переизбирались или оставались на дальнейшую службу. Каждый район имел одного или главного старшину (также выборного), которому подчинялись все прочие¹¹.

Первый подобный союз (hui-fang) в районе Танг-хо (Чанбаньшань) возник в 1858 г., а в 80-х гг. XIX в. китайским чиновником Цао подобные организации были выявлены в районе Уссури¹². Он отмечал, что поселенцы между Уссури и Японским морем жили в долинах между горами и вдоль побережья, занимались охотой и земледелием. Жители каждой долины управлялись старостой, а несколько долин вместе выбирали главного старосту. Когда проводилось собрание, участники записывали решения на деревянных табличках и руководствовались этими законами в ежедневной жизни. Законы долины просты: смерть за убийство и телесные наказания за жезные поступки¹³.

Таким образом, в большинстве случаев законы базировались на патриархальном принципе — старшие брали на себя роль законотворцев и арбитров в спорах¹⁴.

Благодаря приведенному в статье Л. Иванова «акту побратимства» можно детально восстановить систему китайского самоуправления в Сучанской долине. Однако необходимо заметить, что текст относится к 18 году Гуан-Сюй, т.е. к 1892—1893 гг. Первые статьи акта предусматривают наказание за воровство женьшеня и продуктов, траву полей, непреднамеренный поджог имущества, регулируют порядок возмещения долгов и обмена продуктами питания. За неподчинение законам, обман старшин, пьянство, буйное поведение предусматривалась высылка из Сучанской долины. Не приветствовались на Сучане азартные игры. Любой житель, имевший «важное дело», мог объявить общий сход, на который все обязаны были явиться и выслушать его. За отказ участвовать в собрании предусматривались разные формы наказания, как денежные штрафы, так и удары бамбуковыми палками; варьировалось лишь их количество в зависимости от статуса человека в общине.

Всеми делами, являясь в то же время высшей законодательной властью, заведовал чжун-да-е (старший брат). Приказания, отдаваемые им, поступали к представителям исполнительной власти (бан-лао-да и бан-бань-лао-да), претворявших их в жизнь. Для сношения с русскими властями и частными лицами служил старшина, знакомый с русским языком, имевший двух помощников. Для производства следствий имелось четверо цзунь-чжун-вэнь-гуань-лао-да. Суд происходил под председательством чжун-да-е.

Два человека исполняли функции полицейских, под их началом находился помощник, командовавший низшими полицейскими чинами. Для сбора жителей долины на собрания и передачи сведений служили четверо скороходов и четверо глашатаев (пао-гоу-лао-у)¹⁵.

Когда события на о-ве Аскольд уже стали фактом истории, начальник Приморской области И.В. Фуругельм в декабре 1868 г., писал, что «все манзы, живущие в долине Сучана подчинены власти старшины, который живет в долине Пинсау на вершине Сучане и судит важные преступления (воровство, убийство). Власть его так велика, что он может наказывать даже смертью»¹⁶. Отношения китайцев с русскими

властями складывались непросто. Зимой 1867 г. начальник Суйфунского военного округа подполковник Дьяченко был вынужден предпринять экспедицию на Сучан «для того, чтобы привести в покорность тамошних манз, отказавшихся повиновать-ся офицеру на посту в Находке, которому они были подчинены»¹⁷.

В этот период главой сучанских манз был китаец по имени Лигуй (Лингуй, Люгуй), по крайней мере, именно так записано его имя в большинстве официальных документов. Следует заметить, что отсутствие иероглифических записей имен составляет серьезную проблему для современного исследователя, делая порой невозможной точную идентификацию личности китайца.

К сожалению, кроме того, что Лигуй был женат, нам известно очень мало о его личной жизни. Мы не знаем, какие причины заставили его покинуть Китай, но обосновался он на Сучане в 1845—1850 гг.¹⁸, став к 1868 г. зажиточным земледельцем. Возможно, что Лигуй и Люгуй, зафиксированный в списке Висленева под № 118. одно и то же лицо. Люгуй, проживавший в Сучанском округе, был женат на удэгейке по имени Тагеца. В 1879 г. ему было 62 года, из них 29 он провел в Уссурийском крае. На момент переписи он являлся одним из самых крупных фанзовладельцев на р. Сучане. В его доме жили приемные дети, племянники, компаньоны, работники, уважаемые старики — более 40 чел.¹⁹

В событиях «манзовской войны» Лигуй и подведомственные ему жители Сучана в целом заняли прорусскую позицию. Хотя нельзя игнорировать оценку ситуации, данную начальником Приморской области: «Поведение сучанских манз было настолько двусмысленное, что они ждали только развязки дела, чтобы окончательно стать на сторону более сильного»²⁰. 1 мая Лигуй известил русских крестьян, живших на Сучане в селениях Владимирское и Александровское, через китайца, немного говорившего по-русски, что китайские разбойники сожгли русские деревни на р. Цимухе и движутся на Сучан. Благодаря этому предупреждению крестьяне смогли укрыться в посту Находка, захватив с собой ценное имущество и скот. В Находке крестьяне пробыли с 3 мая по 11 июня. Более месяца, по приказанию Лигуя, по ночам выставлялись китайские караулы около русских домов для того, чтобы не допустить поджогов и грабежей. Кроме того, любого незнакомца, появившегося на Сучане, перехватывали и доставляли к Лигую для допроса. Переправа с одного берега реки на другой совершалась только по билету с его подписью.

Таким образом, к 1868 г. Лигуй был не просто формальным старшиной, а человеком, имевшим огромное влияние на местное китайское население.

В течение всего смутного времени русские, приходившие на Сучан (как крестьяне, так и солдаты), получали у Лигуя радушный прием. Китайский старшина представлял им ночлег в своей фанзе, так как она охранялась лучше других, помогал в переправе через реку. В мае Лигуй по требованию заведующего железным баркасом и сухопутным отрядом поста Находка снарядил лодку с тремя китайцами для доставки сведений во Владивосток. Несмотря на опасения, что русские могут принять их за разбойников, в лодке находился и родственник Лигуя. Кроме того, Лигуй распорядился выдать русским властям нескольких разбойников. Трех же разбойников, в то время как Лигуй был в Находке, по приговору старейшин деревни казнили, в том числе и зажиточного крестьянина с р. Цимухе Янхали, возглавлявшего цимухинских китайцев, примкнувших к шедшим с Аскольда²¹. В мае 1868 г. под руководством Лигуя была создана милиция, насчитывавшая 850 чел. Часть этого формирования располагалась на р. Цимухе (около 500 чел.), около 250 чел. дислоцировались в верховья

ях р. Сучана, а на р. Таудеми находился отряд до 100 чел., которым командовал лично Лигуй. Кроме того, на нем лежала обязанность по обеспечению продовольствием всей милиции. Хотелось бы отметить, что организация земледельцев в отряды сельской милиции для охраны деревень и полей от чужаков и бандитов была традиционной для Китая²².

По окончании смуты начальник поста Находка обратился к командиру Сибирской флотилии с ходатайством о награждении Лигуя памятным подарком в благодарность за помощь и в пример другим китайцам²³. В бытность Н.П. Синельникова генерал-губернатора Восточной Сибири, Лигуя наградили «за содержание в порядке китайского населения в долине р. Сучан почетным кафтаном»²⁴.

После этих событий Лигуй выпадает из поля зрения русской администрации почти на 12 лет. Хотя в течение всего этого периода он продолжал оставаться главой китайского населения в районе, однако это не нашло отражения в документах. Складывается впечатление, что русская власть, наградив Лигуя и выделив его из массы китайского населения, сразу же забыла о нем.

В 1880 г. в силу неизвестных нам причин Лигуй отказался переправить через Сучан отряд штабс-капитана Наперсткова, произошла стычка между китайцами и отрядом. Лигуя арестовали и должны были выдать китайским властям с запретом появляться на территории России. Однако пограничный комиссар Н.Г. Матюнин, руководствуясь распоряжением М.С. Корсакова от 20 августа 1869 г. (все китайцы, находящиеся на территории Южно-Уссурийского края, являются русскими подданными), не выдал его, предложив заменить наказание ссылкой в отдаленные районы края. Но в это время произошла смена высшего руководства области. На пост военного губернатора Приморской области был назначен М.П. Тихменев, который прекратил это дело в силу того (как говорят документы), что Наперстков был не совсем прав²⁵. Пока русские власти определяли дальнейшую судьбу Лигуя, он тем временем уехал в Хуньчун²⁶.

В 1881 г. на пост военного губернатора Приморской области назначен И.Г. Баранов, с деятельностью которого связан новый подход к вопросу формирования системы управления китайцами. Отмечая, что при существующих порядках он не может считать себя хозяином, настолько «сильно парализующее влияние китайской пограничной администрации на китайское население Края...»²⁷, полагал также, что «взгляд на китайцев вообще всеми пограничными властями был усвоен непонятно ошибочный, считали вправе всякие репрессии и произвол над ними. Надеюсь (...) всем внушить, что на нашей земле все без различия должны пользоваться покровительством закона наравне с русскими»²⁸. В связи с этим им приняты меры к «ограждению китайцев, живущих на нашей территории, от насилия и смешивания с хунхузами»²⁹.

Для нормализации ситуации с управлением китайским населением под его руководством в 1881 г. составлена «Записка о личной и юридической правоспособности китайцев в Приамурском крае». В записке отмечалось, что вопрос о подданстве всех проживающих китайцев и маньчжуров (за исключением зазейских маньчжуров) остается открытым, так как предписание М.С. Корсакова считать китайцев русскими подданными «...так и осталось без всякого применения тайною канцелярии, так как не было указано «ни способа натурализации, ни административного строя для новых подданных»³⁰.

Практические шаги сделаны в Приморской области в 1881 г., когда на русском и китайском языках были вывешены объявления, в которых от имени Приморского

военного губернатора китайцам, проживавшим в Южно-Уссурийском крае, разрешалось оставаться в нем и свободно заниматься земледелием, торговлей и разными промыслами. Вводился запрет на истребление лесов для добычи древесных грибов и устройства засек для ловли зверей, а также на хищническую разработку золотых россыпей. Из текста объявления следовало, что проживавшие в крае китайские крестьяне находятся под покровительством русских законов и подчиняются русским властям; что отныне они будут привлекаться к несению натуральных повинностей наряду с русскими крестьянами; им предписывалось избрать из своей среды старшин и их помощников, кандидатуры которых должны были утверждаться начальником и пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края, после чего им выдали печати. Выдача печати, кстати, стала, нормой в практике российского делопроизводства, связанного как с крестьянскими обществами, так и с малочисленными народами, что совпадало с китайской традицией: печать была непременным атрибутом не только чиновника, но и любого социально значимого человека (купца, промышленника и т.д.).

В объявлении говорилось о беспрекословном исполнении законных требований старшин, через которые до них доводились распоряжения русских властей. Интересно то, что китайцам разрешалось выбирать из своей среды судей, имевших право судить и приводить в исполнение наказания в соответствии с китайскими обычаями, однако строжайше запрещалось приговаривать виновных к смертной казни. Отдельный пункт касался необходимости выборки русских билетов. Пойманные без билета китайцы должны были высылаться за границу как бродяги³¹.

Меры, принятые русской администрацией, не остались незамеченными в Китае. Китайские власти неоднократно заявляли протесты. Показателен текст перевода одного из них, представленного 22 ноября 1881 г. И.Г. Барановым генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину. Гиринский цзян-цзюнь Мин Ань в ноте на имя военного губернатора Приморской области, напомнив содержание 1 и 8 статей Пекинского договора, обвинил российского пограничного комиссара в том, что последний в Сучанском и Суйфунском округах «...разослал объявления народу и, поставив чиновника для заведования китайцами, останавливает их занятия промыслами, не уведомив об этом местного чиновника Срединного государства и не посоветовавшись с ним, что поистине не согласуется со статьями договоров». Далее он отмечал: «...если подданные Китая не слушая властей, возбудят злоупотребления, то причиною сего будет небрежное отношение к дружбе, чего следует опасаться»³².

Для стабилизации ситуации, по высочайшему повелению китайского императора, в Приамурье был командирован чиновник 3 разряда Лицзинюн. Цель его визита декларировалась с подкупающей откровенностью — «...для ограждения китайцев в местностях Хуньчуня, Сучана и других». Небезынтересно отметить, что полномочия китайского чиновника распространялись не только на китайцев, проживавших в Китае (Хуньчунь), но и в России (Сучан), что являлось нарушением договоров. Гиринский цзян-цзюнь обращался к военному губернатору Приморской области с просьбой приказать пограничному комиссару, «...чтобы он со дня приезда имеющего павлинье перо Ли по делам заведования китайцами сносился с ним для избежания могущих возникнуть пререканий и для вящего укрепления дружественных отношений»³³.

Действительно, в середине октября 1881 г. в урочище Новокиевское прибыл гражданский начальник Хуньчуньской области Лицзинюн с намерением встретиться с во-

енным губернатором Приморской области, тот оказался в Хабаровске и встреча не состоялась. Как частное лицо Лицзинюн посетил Владивосток, где ему оказал торжественный прием военный губернатор Владивостока А.Ф. Фельдгаузен³⁴. В ходе визита Лицзинюн пытался решить вопрос о размещении во Владивостоке отряда китайских войск (20—25 чел.) для поимки хунхузов, но в этом было отказано. Судя по документам, именно с фигурой Лицзинюна связано назначение старшины Лигуя главой всех китайцев от Сучана до Ольги и присвоение ему звания чиновника. Наш персонаж стал одним из трех получивших чиновничий ранг старшин, о которых стало известно русской администрации.

В период между 1880 г. и мартом 1882 г. Лигуй посетил Хуньчунь, получил белый хрустальный шарик чиновника 5 степени и должность правителя Сучана и соседних мест. 18 марта 1882 г. на сходе 300 китайцев, проживавших в Сучанской долине, был зачитан указ китайского правительства о назначении Лигуя правителем Сучана³⁵. В обязанности Лигуя входило: обнаружение и захват воров, разбойников в местностях, «принадлежащих русским», снаряжение отряда для поимки хунхузов³⁶.

Русские власти узнали об этом событии к середине апреля от корейца Ивана, который сообщил, что якобы Лигуй, появившийся на Сучане, не «настоящий китаец, а разбойник», настоящий же Лигуй был убит при возвращении из Хуньчуня. Такой поворот событий представляется маловероятным, ведь Лигуй несколько десятков лет прожил на Сучане и его прекрасно знали многие китайцы.

Получив официальное подтверждение своей власти в Китае, Лигуй помимо исполнявшихся им ранее обязанностей старшины, связанных с судебной практикой, организовал отряд в 40 чел., стал собирать дань, преследовать хунхузов, укрепил свою фанзу рвом и валом, превратив ее в крепость, назначал помощников (ввел должность заведующего гражданской частью на Сучане)³⁷. Лигуй имел постоянную связь с Китаем, откуда получал указы, распоряжения, приказы и прочие документы. Распоряжения были связаны с регламентацией жизни китайцев в России. Показателен текст распоряжения Гиринского генерал-губернатора. В нем сообщалось: «Хотя Владивосток и принадлежит русским, следует, чтобы китайцы отнюдь не удалялись, соблюдали обычаи и нравы своего отечества, имея примером некоего Ван Чжана, уступившего несколько лет тому назад землю русским, отданного под суд, как преступника, за измену народному обычаю. Если праздные люди узнают, что предпринимается (на родине), то должны молчать, в противном случае будет отрублена голова и человек закончит жизнь по-пустому»³⁸.

Разумеется, такая ситуация обеспокоила русскую администрацию. В апреле 1882 г. было принято решение послать в Сучанскую долину экспедицию для поимки Лигуя в составе роты 1-го восточно-сибирского линейного батальона (командир штабс-капитан Порохин), четырех взводов конных казаков и дивизиона Горной артиллерии (командир 1-й конной казачьей сотни подполковник Винников), начальника Южно-Уссурийского округа Занадворова, начальника Сучанского участка князя Кропоткина. И.Г. Баранов, напутствуя руководство отрядов, отметил: «Надеюсь, что в предстоящем походе на Сучан будут соблюдены порядок, дисциплина, не допустятся ни малейших обид, притеснений, насилий не только в отношении русского, корейского населения, но и мирного манзовского». Однако китайская почта предупредила Лигуя о продвижении русского отряда, и он успел скрыться, оставив в своей фанзе помимо шапки с белым прозрачным шариком знамя с иероглифом «мужество» и печать, а также официальные документы, ставшие для нас сегодня ценным историческим

источником, дающим возможность восстановить еще одну страницу истории. Для предотвращения повторения подобных ситуаций в начале 1883 г. было принято решение о размещении на реках Сучане и Цимухе воинского отряда численностью в 150 чел. (50 чел. во Владимировке; 75 — в Пинсау, 25 — на Цимухе). Следует отметить, что впоследствии эпизод с Лигуем, наряду с манзовской войной, стал одним из главных аргументов при обосновании опасности присутствия китайцев в крае.

К сожалению, позднее фигура Лигуя в русской документации не встречается, и нам остается предположить, что, вероятнее всего, он вернулся в Китай.

Таким образом, действия Винникова, Кропоткина в отношении сучанских китайцев и Лигуя являются не тремя самостоятельными событиями, а звеньями одной цепи — попыткой подчинить русскому влиянию сучанских китайцев. На основании изложенных фактов представляется возможным говорить не о масштабном сопротивлении китайцев русским в начале 80-х гг. XIX в. в Южно-Уссурийском крае, а о неповиновении русским властям в конкретном районе Южно-Уссурийского края — Сучанской долине. С известной долей вероятности можно утверждать, что сам Лигуй не был присланным из Маньчжурии китайским чиновником, а получил этот статус будучи старожилом Сучана, известным и уважаемым среди китайцев старшиной.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.). Омск, 1999. С. 130.
- ² Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001. С. 228.
- ³ Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX — начале XX в. Кызыл, 2000. С. 120.
- ⁴ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Владивосток, 1990. С. 167.
- ⁵ РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4179, л. 148.
- ⁶ Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999. С. 167.
- ⁷ Будишев А.Ф. Описание лесов части Приморской области // Зап. Сиб. отделение ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. 9—10. С. 191.
- ⁸ Гельмерсен П.А. Исследования в южной части Уссурийского края летом 1865 г. // Известия ИРГО. 1868. Т. 4. СПб., 1869. С. 192.
- ⁹ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае... С. 107.
- ¹⁰ Будишев А.Ф. Описание лесов... С. 186.
- ¹¹ РГА ВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 91 об.
- ¹² Lee R.H.G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, 1970. p. 106, 108.
- ¹³ Там же. Р. 106.
- ¹⁴ Там же. Р. 105.
- ¹⁵ Иванов Л. Цзинь-лань-пу // Вестник Азии. 1914. № 30. С. 5—18.
- ¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 91—91 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 91 об—92.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 313, л. 142 об.
- ¹⁹ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. 4. С. 374, 392.
- ²⁰ РГА ВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 115
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 115 об.; Ф. 909, оп. 1, д. 120, л. 32 об.
- ²² Непомнин О.Е. Податное и частнозависимое крестьянство Китая на рубеже XIX—XX вв. // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 112.
- ²³ РГА ВМФ. Ф. 909, оп. 1, д. 120, л. 31—34.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 313, л. 142.

²⁵ Там же. Л. 143.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 910, л. 67 об.

²⁷ Там же. Д. 124, л. 21—21 об.

²⁸ АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 313, л. 66.

²⁹ Там же.

³⁰ РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 25 об.—31.

³¹ РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 66—67.

³² АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 313, л. 52 об.

³³ Там же. Л. 52 об.—53.

³⁴ Там же. Л. 76—77 об.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 1.

³⁶ Там же. Л. 36, 40.

³⁷ Там же. Л. 21, 26 об.

³⁸ Там же. Ф. Л. 47—47 об.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1980—1990-е гг.)*

И.В. СТАВРОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток*

В дальневосточной исторической науке изучение национальных меньшинств Северо-Восточного Китая началось еще в конце XIX — начале XX в. Эти исследования проводились на базе созданного в 1899 г. Восточного института профессорами А.В. Гребенщиковым (1880—1941 гг.), Н.В. Кюнером (1877—1955 гг.), А.В. Рудаковым (1871—1949 гг.), П.П. Шмидтом (1869—1938 гг.). В их работах собраны этнографические материалы о жизни и быте неханьских (т.е. некитайских) народностей Маньчжурии¹.

Начавшаяся реорганизация Восточного института, а вслед за ней репрессии по отношению к ученым-востоковедам привели к прекращению исследований в данной области. Изучение проблем национальных меньшинств Северо-Восточного Китая было возобновлено с образованием Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока при Дальневосточном научном центре Академии наук СССР в 1971 г. Исследования проблем национальных меньшинств Северо-Восточного Китая ведутся по следующим направлениям: изучение этнокультурных контактов малых народов дальневосточного региона России и Маньчжурии (Н.В. Кочешков, А.Ф. Старцев, О.В. Дьякова и др.), этногенез и этническая история неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (Ф.В. Соловьев), этнополитические проблемы в рассматриваемом нами регионе (Н.Г. Векилова, В.А. Гайкин, Л.В. Забровская и др.).

* Данная работа выполнена при поддержке грантов Президиума ДВО РАН за 2005 г., РГНФ, проект № 05-01-01289а.